

ПРАВИЛА ЖИЗНИ В КАЗАХСТАНЕ

Джон Купер, преподаватель журналистики в КИМЭП

Трудовые мигранты рассказывают о том, как им живется и работается в Казахстане.

Я любил огромные старые деревья, которые спасали от зноя мою квартиру на проспекте Абая. Мне было грустно смотреть, как рабочие рубят их, чтобы они не мешали строительству новой станции метро. Видеть прореху в ряду деревьев по-прежнему неприятно, но время от времени я пользуюсь метро, чтобы добираться до работы. За все приходится платить.

Когда я был ребенком, мы каждую неделю ныряли под парты – это были учения в рамках антисоветской пропаганды, которая убеждала школьников, что Советы желают сбросить на нас водородную бомбу. В то время я и помыслить не мог, что когда-нибудь буду жить в Казахстане. Да что там, я не знал, что он существует. Когда я был нью-йоркским подростком, жившим в какой-то миле от здания ООН, где Хрущев стучал ботинком по трибуне в приступе риторического гнева, сама мысль о том, что-

бы поехать в Советский Союз показалась бы смехотворной. Сейчас мой дом – Алматы.

Иностранец, живущий в Казахстане, платит за это свою цену. Чтобы попасть на свадьбу брата в Калифорнии, я должен был пролететь полмира. Я никогда до конца не понимаю, что говорят окружающие меня люди, хотя неплохо говорю на разговорном русском. Я теряюсь при любых столкновениях с местной бюрократией и при возникновении проблем мне требуется посторонняя помощь. И все же, Казахстан для меня – идеальная страна больших возможностей. Смесь, я сравниваю его с Диким Западом. И в этом сравнении больше правды, чем шуток. Слишком много здесь неопределенности. Но возможностей – гораздо больше. Десятилетиями я путешествовал по миру – Европа, Южная Америка, Юго-Восточная Азия, Африка – и все пытался понять, есть ли на земле ме-

сто с оптимальным сочетанием возможностей и ресурсов. Затем Фонд Сороса предложил мне годовой контракт на преподавательскую деятельность в Бишкеке. И очень скоро я решил, что несмотря на все сложности и ограничения, я должен остаться в Центральной Азии. Мне нравится «перекрестковая» культура Казахстана и я не против платить свою цену за то, чтобы жить здесь. Цену, которая, в общем-то, бледнеет в сравнении с преимуществами, которые я получаю.

Мне нравится открывать этот уголок земли друзьям и коллегам с весьма ограниченным представлением о странах, чье название заканчивается на «-стан». Американцев и европейцев несколько удивляет, что я хочу жить в стране, которая воспринимается ими как черная дыра, но одновременно и интригует. Они поражаются моим рассказам и фотографиям, доказательствам многослойности жизни в месте, полном нефти и больших возможностей. И фото ночной Алматы на моей странице на Facebook набирает лайки. Лепешка? Ух ты, красивый хлеб... Чимбулак? Кто бы мог подумать! Кумыс? Ты, наверное, шутишь! Кафедральный собор на закате солнца? Дайте две!

Основная причина, по которой я здесь, – мои студенты. Казахская молодежь такая же неоднородная, как в любой другой точке мира: есть идиоты, есть пройдохи, есть гении. Но лучшие мои ученики действительно – студенты мирового класса. Открытые новым идеям в той степени, которая возможна только в культуре, которая в течение двух тысяч лет формировалась и менялась благодаря путешественникам. Когда я стоял в Мавзолее Ходжа Ахмета Яссауи в Туркестане, представляя ученых и их учеников, ступавших по этим плитам полторы тысячи лет тому назад, я почувствовал себя ближе к уткнувшимся в айфоны студентам КИМЭП и других университетов, где я время от времени читаю лекции. Да, они уже заражены западной страстью потреблять. Но, вместе с тем, во многих из них живет глубокое уважение к самой идее знания. Студенты здесь быстро учатся думать и дискутировать – в классах и коридорах вуза. Они понимают: их мир станет шире, если они будут задавать вопросы и

получать на них ответы.

Мои цели и выбор образа жизни отличаются от того, что выбирают другие иностранцы в Алматы. Зачем мне частное авто с водителем, когда я могу выбрать унизительную давку 29 маршрута автобуса в 8 утра понедельника? Почему я должен предпочесть безлюдный бутик Pierre Cardin человеческому трафику барахолки за день до 8-го марта? Почему бы мне время от времени не представляться Джанибеком? Почему не заслужить одобрение собеседника, просто поздоровавшись по-казахски? Если бы я хотел есть в Hardee's и общаться с похожими на меня людьми, зачем, скажите на милость, мне тогда путешествовать по миру?

Большинство моих друзей – казахстанцы. Да, общество здесь гораздо сильнее трайбализировано, чем американское. И дружба зарождается в Алматы труднее, чем в Сент-Луисе. Но алматинцы куда охотнее помогут найти хорошую съемную квартиру задешево, представят бывшему министру обороны и познакомят с тетушкой, торгующей самым дешевым базиликом на Зеленом базаре.

Важная причина, по которой я чувствовал себя в Казахстане и других центральноазиатских странах, как дома – разумное равновесие между чувством достоинства и легкостью. Местная молодежь ценит мое специфическое чувство юмора и странные шуточки, и в то же время мои друзья приглашают меня на семейные ужины такого размаха, что на Среднем Западе их назвали бы убийством для желудка. По большей части русские и казахские семьи похожи на любые другие. И все же неформальная обстановка на семейном сборище в Центральной Азии – нечто особенное. Представьте себе стол, ло-

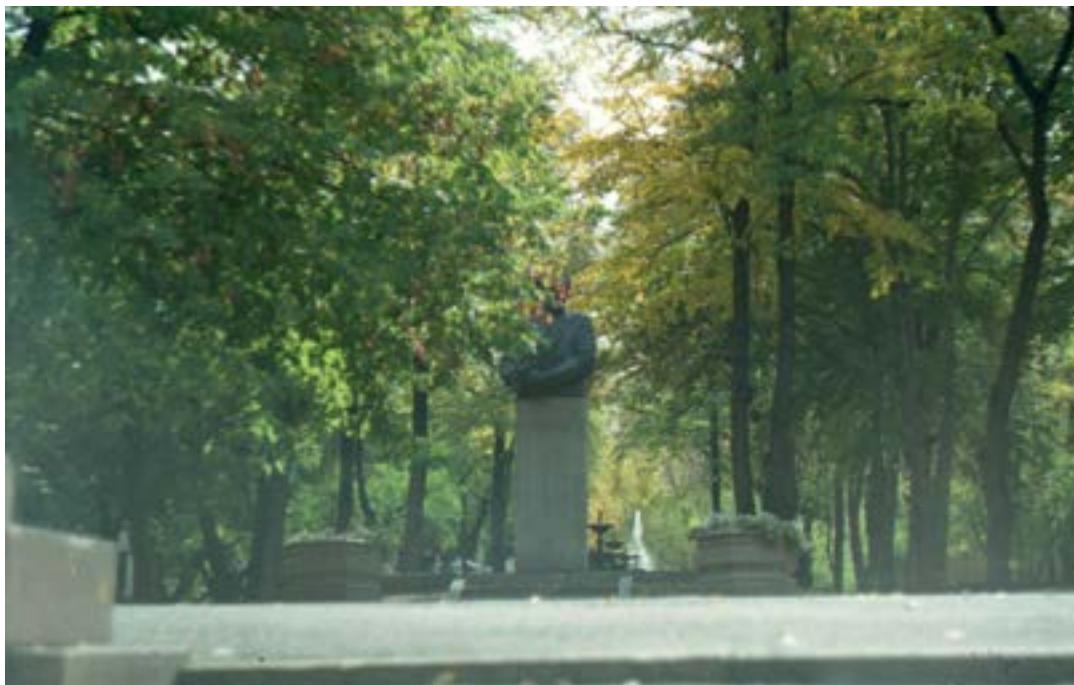
мящийся от еды, есть которую уже нет сил, но ты должен все попробовать. Ах, эта вечная потребность делать другому человеку приятно, которой отличаются местные жители.

Жизнь в Казахстане открыла мне много нового. Ярким впечатлением был сеанс лечения у женщины-баксы, во время которого я почувствовал силу традиций, идущих из древнего Китая и Сибири. Некоторые перекрестки невидимы и

КАЗАХСТАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ТАКАЯ ЖЕ НЕОДНОРОДНАЯ, КАК В ЛЮБОЙ ДРУГОЙ ТОЧКЕ МИРА: ЕСТЬ ИДИОТЫ, ЕСТЬ ПРОЙДОХИ, ЕСТЬ ГЕНИИ.

ЖИЗНЬ

не поддаются определению, но отрицать их невозможно. Не знаю, помогла ли мне эта женщина, но она знала обо мне вещи, которых не могла знать и уж точно напомнила, что мы находимся в Казахстане, а не Англии.

К сожалению, мы склонны переоценивать значение власти, новых технологий и денежных потоков и недооценивать их культурный и человеческий эквивалент. Конечно, нельзя отрицать и их важность. Главное – не нарушать равновесие. Итак, я ухватился за возможность узнать больше о богатой русской культуре. В юности я взахлеб читал книги по русской истории и литературе, книги о революции, но и понятия не имел о глубине и выразительности изучаемого мной. Здесь я кое-что для себя понял.

Я также пытался понять, что из себя представляет казахстанская культура и в каком направлении развивается. Мне было интересно посетить родину Джамбула, где сплелась музыка, поэзия и традиции. Я люблю слушать и пробовать играть на традиционных музыкальных инструментах, например, кобызе.

Казахстан – не туристическая страна в отличие от Индии или Перу. Но благодаря гибкому преподавательскому гра-

МЫ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ НЫРЯЛИ ПОД ПАРТЫ – ЭТО БЫЛИ УЧЕНИЯ В РАМКАХ АНТИ-СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ, КОТОРАЯ УБЕЖДАЛА ШКОЛЬНИКОВ, ЧТО СОВЕТЫ ЖЕЛАЮТ СБРОСИТЬ НА НАС ВОДОРОДНУЮ БОМБУ.

фику я смог побывать в большинстве ее уголков: погулять вдоль реки в Костанайе и посмотреть на ледяные скульптуры Караганды. Навсегда запомнить летнее утро в Алтайских горах и окунуться в простую, дружелюбную энергетику Шымкента. Узнать, что Астана – это Астана, вся сделанная из блестящей вертикали и житейской, земной горизонталью.

Мне повезло быть там, где я нахожусь сейчас. Я могу выбирать предложения по работе, потому что у немногих людей здесь есть мое образование и опыт. Я много раз выступал консультантом и преподавал английский язык с осознанием, что делаю это скорее не за деньги, а потому что мне нравится быть частью конструктивных изменений.

Вести дела в Алматы нелегко. Малый бизнес встречает на своем пути множество преград. Но есть и вещи, с которыми дело обстоит в Казахстане проще. Например, здесь гораздо проще встретиться с важными людьми, потому что этим людям интересны новые знакомства. У Казахстана множество потребностей: в частности ему нужны иссле-

ЖИЗНЬ

дователи и люди, умеющие писать, что делает меня гораздо более востребованным, чем я когда-либо был в США. И несмотря на то, что я сталкиваюсь с иными культурными нормами и ожиданиями, мне нравится работать с невероятно порядочными и конструктивными людьми.

В динамично меняющемся мире учителя должны быть готовы учиться у своих учеников, и мои меня многому научили. Так, например, они показали мне, что можно учиться не только на сильных сторонах западного образования, но так же и на его слабостях.

Я приехал сюда три с половиной года назад и все еще мало что понимаю об этой стране, кроме того, что она – многогранна. Но я беру на себя смелость загадывать желания. Я хочу, чтобы казахстанцы скорее избавились от наследия советского структурализма, который не имеет никакой ценности в цифровом мире. Я хочу, чтобы лидеры страны больше верили в своих граждан и новые, странные, подчас неудобные идеи, и меньше – в свою власть. Я хочу, чтобы самые разные казахстанцы могли увидеть себя другими глазами и лучше понять

собственный потенциал. Я хочу, чтобы иностранцы и местные жители общались и создавали улучшенную гибридную культуру. Я хочу, чтобы казахстанцы отказались от голливудского стереотипа, что на Западе все идеально и хорошо только то, что является копией этой модели. Я хочу, чтобы казахстанское общество стряхнуло с себя бремя коррупции.

Что меня больше всего впечатляет в Казахстане, это его способность заново изобретать себя и голод, с которым он это делает. Хотелось бы, чтобы в стремлении страны достичь определенного промышленного и международного статуса, было больше ясности, но нельзя не замечать у нее того же драйва, который был у США и который сделал их государством мирового значения. Я считаю, что этот драйв должен быть направлен на то, чтобы выполнить социальные, культурные и человеческие потребности страны. **Если однажды утром** вы увидите странного невысокого человека с большими усами, который будет разглядывать деревья и станцию метро на проспекте Абая, скорее всего, это буду я. Скажите «здравствуйте» или «салам» и я с удовольствием отвечу вам тем же. ■